

Прошлое мертвого города более чем живо...

ЧИТАЙТЕ ВСЕ КНИГИ БЛЕЙКА КРАУЧА:

Трилогия «Сосны»

Сосны. Город в Нигде

Сосны. Запутавшие

Сосны. Последняя надежда

Отдельные романы

Беглецы. Неземное сияние

Абандон. Брошенный город

Блейк Крауч

АБАНДОН

Брошенный город

МОСКВА
2017

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
К77

Blake Crouch
ABANDON

ABANDON by Blake Crouch © 2009. This edition
published by arrangement with InkWell Management LLC
and Synopsis Literary Agency

Оформление серии *А. Саукова*
Иллюстрация на обложке (фотоколлаж) *В. Коробейникова*

Крауч, Блейк.

К77 Абандон. Брошенный город / Блейк Крауч ; [пер. с англ. С. Н. Самуйлова]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 544 с. — (Город в Нигде. Кинообложка).

ISBN 978-5-699-99664-3

Рождественским днем 1893 года все население небольшого шахтерского городка Абандон в горах Колорадо бесследно исчезло. Все мужчины, женщины и дети словно испарились, бросив накрытыми праздничные столы в своих остывших домишках. Поисковая группа, отправленная на поиски людей, назад не вернулась. Загадка Абандона так и осталась нераскрытой, а люди нарекли его проклятым городом. И вот, через сто тридцать лет, в те края собралась новая группа, которую возглавили профессор истории и его дочь-журналистка. Теперь, среди брошенных руин и снежного безмолвия гор, они пытаются найти хоть какой-нибудь след, ведущий к загадке. Им пока еще невдомек, что они здесь не одни. И что прошлое мертвого города более чем живо...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Самуйлов С.Н., перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-99664-3

Посвящается Эйдану Краучу

На Западе прошлое очень близко. Во многих местах его все еще считают настоящим.

Джон Мастерс

Слова признательности

Путь к завершению этой книги был долог, и я обязан выразить благодарность многим людям.

Ребекке и Эйдану — за то, что поделились этой историей. Жить с писателем далеко не всегда сладко, но мы с вами — одна команда. Люблю вас обоих.

Линде Аллен — за твою дружбу и неизменную поддержку, когда я более всего нуждался в ней.

Майклу Хомлеру — за то, что толкал меня в нужную сторону и был перфекционистом, как и я сам.

Анне Коттл и Мэри Эллис Кир — за бесценные подсказки на финальной стадии.

Джо Конрату, Греггу Гурвицу, Маркусу Сейки и Скотту Филипсу, большим писателям и замечательным людям, — за твердую поддержку, когда высота казалась недостижимой.

Дэвид Моррелл заслуживает целой страницы, но скажу так: ты — джентльмен и вдохновение, и знакомство с тобой — настоящее благословение.

Всем в моей местной писательской группе — Сюзанне Тирпак, Терри Джанттонен, Дагу Уокеру, Шэннон Ричардсон, Дайне Суон, Кейси Александр, Гейл Харрис, Нине Моутс, Хэз Сейд и Адаму Уотсону. Первым читателям: Сэнди Грин, Джордану Краучу, Клэй и Сьюзан Крауч, Джуди Джонстон и Анне Маркард.

Салли Ричардсон, Энди Мартину, Джорджу Уитту и Келли Рэгланду — за то, что сделали все это возможным и передали меня в самые лучшие руки.

Йеруну тен Бергу — за поразительную креативность и любовь к книгам.

Майклу Ричарду, Джо Фостеру, Дуэйн Смитту, Марианне Фурьер, Арту Холланду, Карен Суэй и Клайду Гиббсу — за то, что дали ответы на вопросы, которые я не смог найти в книгах.

Дайан Серафичи и Беверли Коулман в «Роки-Маунтин паблишерс» — за уточнение цитат.

Кэрол Эдвардс — за виртуозную редакторскую правку.

Потрясающим бариста в кафе «Стиминг бин», где и была написана бо льшая часть книги.

И наконец групповое объятие Джорданам — Джону, Рут и Йену — за вашу поддержку и дружбу.

Четверг, 28 декабря 1893 года

Там, наверху, в тысяче футов отсюда, между утесами свищет ветер; здесь же, в этом Богом забытом городишке, все как будто уснуло, и погонщик мулов понимает — что-то не так. В двух милях к югу находится шахта Бартоломью Пакера «Годсенд»¹, и установленная там перемалывающая руду двадцатипестовая камнедробилка должна наполнять каньон глухим грохотом. Громыхание работающей машины — все равно что звон монет, и остановить ее могут только две вещи: Рождество и трагедия.

Он слезает с жеребца-альбиноса. Розовые ноздри коня раздуваются, его грязная грива смерзлась. Одноподпружное седло покрыто снежной коркой, его кожаная и тканевая части — мочила и чепрак — промерзли и сделались жесткими, как камень. Он знает, как успокоить животное, — растирает Джорджу шею, говорит с ним негромко и мягко, хвалит за хорошую работу и обещает теплую конюшню, корм и свежую воду.

Погонщик открывает сумку, достает пинту самопального вискаря, купленного в винном ма-

¹ Godsend (*англ.*) — счастливая находка, удача.

газинчике в Силвертоне, и заливает в себя остаток — самогон обжигает пустой желудок ледяным пламенем.

По пояс в снегу он бредет к лавке и стучит в дверь. Лампы в заведении погасли, и большая плита в углу дремлет в отсутствие обычной здесьней компании — рудокопов, больших любителей потолковать за табачком и кофе. Посетитель окликает хозяина, ступая по дощатому полу, проходит между полками, мимо сложенных штабелями ящиков и пухлых джутовых мешков с сахаром и мукой.

— Джессап! Это Брейди! Ты здесь?

Когда Брейди Сайкс выходит обратно из лавки, двенадцать мулов вытягивают сухие, жилистые шеи в его направлении. Он запускает руку в карман шинели, достает жестянку «Стар нейви» и кладет за щеку кусок табака, от которого его губы и десны за последний год окрасились в темно-багровый цвет.

— Какого черта? — шепчет мужчина.

Две недели назад, когда погонщик доставил сюда припасы, жизнь в этом шахтерском городке кипела вовсю. Теперь же, в сумерках приближающегося вечера, Абандон лежит перед Сайксом притихший и апатичный — улицы пусты, дощатые пешеходные дорожки замечены снегом, и нигде не видно ни одного следа.

Разбросанные по нижним склонам дома занесены по самые трубы, и ни одна из них не курится дымом, воздух чист и свеж.

К одиночеству Брейди не привыкать — в пути он нередко проводит по несколько дней кряду, один-одинешенек в диких, безмолвных местах. Но с этой тишиной все не так, здесь все обман. Человек чувствует исходящую от нее угрозу и с каждой секундой все больше проникается уверенностью: здесь что-то случилось.

Стена темных туч цепляется за пики скал, и вот уже снежинки ложатся на рукава его дождевика. Приходит ветер. Над дверью лавки звякают колокольчики. Скоро ночь.

Он идет по улице к салуну, в душе еще ожидая и надеясь нарваться на красотку барменшу, Джосс Мэддокс, и получить от нее заряд восхитительного богохульства. Но в салуне ни души. Ни немой пианистки, ни хотя бы одного клиента... Не горят керосиновые лампы, не дышит теплом пузатая дровяная печка. В кружке на сосновой стойке бара замерзло пиво.

Дорожка к ближайшему дому лежит под нетронутым снегом — на сто ярдов у Брейди уходит пять минут.

Погонщик стучит в дверь и считает до шестидесяти. Пружинная защелка не сработала, и он, переступая порог без приглашения, даже в такой ситуации чувствует себя неудобно, вторгаясь в чужие владения.

В доме темно, и ему приходится щуриться.

Под посаженной в кадку елкой, на грязном полу валяются скомканные газеты — остатки Рождества.

На грубо сколоченном столе — нетронутые обильные блюда. Такое в тесном домишке из одной комнаты едят не каждый день — это рождественский обед.

Сайкс стягивает перчатку, дотрагивается до ветчины — холодная и твердая, как руда. Рядом стоит горшок с замерзшими в бульоне бобами. Кексы на ощупь скорее похожи на пемзу, чем на губку. Две зазубренные стеклянные ножки бокалов торчат вверх: хрустальные чаши расколело замерзшее в них вино...

* * *

Погонщик возвращается к своему вьючному обозу, останавливается посредине улицы и, медленно поворачиваясь, чтобы его слова разнеслись по всем направлениям, кричит:

— *Здесь есть кто-нибудь?*

В огромной, равнодушной пустоши его голос и слабеющее эхо почти не слышны. Небо мрачнеет. Снег валит и валит. Церковь на северной окраине городка исчезает в метели.

До Силвертона двадцать семь миль, и его обоз вышел в путь еще до первого света. Мулам нужен отдых. Как и ему самому после проведенных в седле шестнадцати часов. Хотя перспектива провести ночь в Абандоне, в этой жуткой тишине, совсем его не радует.

Решив отвести животных в конюшню, Сайкс ставит ногу в стремя — и тут вдруг замечает что-то за домишками на южной окраине города. Он

направляет Джорджа вперед, через глубокий снег между хижинами с декоративными фасадами, и, увидев, что привлекло его внимание, шепчет:

— Ну и дурень же ты старый!

Это всего лишь снеговик — тонкие ручки из еловых веток, сосновые шишки там, где должны быть глаза и рот, а на голове венчик вместо короны.

Погонщик натягивает поводья, поворачивает Джорджа к городу и внезапно изумленно выдыхает:

— Господи боже мой...

Он опускает голову, пытается унять гулко заколотившееся в разреженном воздухе сердце. Потом поднимает голову — девочка, на которую наткнулся его взгляд, все там же. Ей шесть-семь лет, она бледна, как призрак, и стоит в каких-нибудь десяти футах от него. У нее черные, как паровоз, волосы и под стать им угольные глаза — темные, радужки почти сливаются со зрачками и напоминают два мокрых камешка.

— Ну и напугала ж ты меня! — охает мужчина. — Что ты делаешь здесь, совсем одна?

Девочка отступает.

— Не надо, не бойся. Я не бука. — Брейди спешивается и идет к ней через снег. На ногах у нее снегоступы, и она проваливается в снег всего на фут, погонщик же тонет по пояс, и получается, что они как будто одного роста.

— Ты как? — спрашивает он. — Я уже не думал, что кого-нибудь здесь застану.

Снежинки в волосах девочки похожи на белое конфетти.

— Все ушли, — говорит она без всякого выражения, без слез, просто констатирует факт как он есть.

— И даже твои папа и мама?

Она кивает.

— А куда они ушли? Можешь показать? — продолжает расспросы погонщик.

Девочка отступает еще на шаг. Засовывает руку под серую шерстяную кофту. Одинарного действия армейский револьвер — оружие тяжелое, и в детской ручонке он комично клюет дулом вниз, поэтому она держит его, как винтовку. Ошарашенный, Брейди только смотрит, как малышка возится с курком.

— Так и быть, я вам покажу, — говорит она. Курок взведен, дуло смотрит на Сайкса, пальчик на спусковом крючке.

— А теперь постой. Подожди... — пытается он успокоить ее.

— Стойте на месте.

— Это не игрушка. Его нельзя направлять на людей. Это чтобы...

— Убивать. Знаю. И вам сразу станет легче.

Брейди пытается придумать, как бы уговорить девчушку отдать ему револьвер, но слышит выстрел и рикошетом разбегающееся по каньону эхо, и обнаруживает, что лежит на спине, окруженный снежными стенами.

В овале серого зимнего неба появляется и смотрит на него сверху вниз детское лицо.

Какого еще...

— Оно сделало дырку у вас в шее, — сообщает ему ребенок.

Он хочет сказать ей, чтобы отвела в конюшню Джорджа и мулов, чтобы накормила их и напоила. После всего, что им выпало сегодня, уж это-то они, по крайней мере, заслужили. Но в горле только булькает, а когда он пытается заговорить, то получается лишь хрип.

Девочка снова, зажмурив один глаз, направляет револьвер ему в лицо, и дуло слегка дрожит — пародия на прицеливание.

Погонщик смотрит на шквал снежинок — небо уже растворилось в синеватых сумерках, которые сгущаются прямо на глазах, и думает: *«Это день меркнет так быстро или я?..»*

Глава 1

Эбигейл Фостер смотрела сквозь ветровое стекло на парковочный счетчик. Время давно вышло. Пальцы сжимали рулевое колесо так, что побледнели костяшки, и руки начало сводить судорогой. Месяц назад, в Нью-Йорке, когда она отдала статью Марго, своему редактору в «Грейт аутдорз», эта идея казалась ей вовсе не такой уж плохой. Теперь, перед самой встречей с ним, первой за двадцать шесть лет, Эбигейл вдруг поняла, что оказала себе дурную услугу, приукрасив и этот момент, и тот факт, что ей придется войти сюда и предстать перед ним лицом к лицу.

Часы показывали без пяти семь, что означало без пяти пять по горному времени. Фостер сидела на парковке уже двадцать минут, и он, может быть, собирался уходить, думая, что она решила не приезжать.

Хозяйка провела ее в заднюю часть бара с собственной пивоварней, который сейчас, в пять пополудни, был почти пуст. Под каблуками ее черных «лодочек» хрустела рассыпанная по полу ореховая скорлупа, а в воздухе стоял кислова-

то-дрожжевой запах. Женщина открыла заднюю дверь и указала на единственный занятый столик на патио.

Эбигейл шагнула во дворик и разгладила юбку от Кавалли, купленную в прошлом году в Милане за бешеные деньги.

Ее снова одолели сомнения. Не стоило сюда приезжать. Никакая история этого не стоит.

Он сидел спиной к ней, за развернутым к западу столиком, и перед ним, распростершись на плоскогорье, лежал Дуранго¹, усыпанный желтыми пятнышками тополей и осин, обрамленный глинистыми холмами, местами поросшими сосной, а местами голыми. Еще дальше виднелись еловые леса и остроконечные, зубчатые пики гор Сан-Хуан.

Стук двери привлек его внимание. Он оглянулся через плечо и, увидев ее, развернул стул спинкой к столику, и поднялся — высокий, крепкий, с вьющимися серебристыми волосами, одетый так, словно только что сошел со страницы журнала «Бэкзапкер»: клетчатая рубашка «Патагония», удобные джинсы, браслет «Ливстронг», сандалии «Тесла»...

Живот снова скрутило. Эбигейл заметила, что левая рука у него дрожит, и он, чтобы унять ее, взялся за стул.

— Привет, Лоренс, — сказала она негромко.

¹ Имеется в виду город в штате Колорадо, на границе с округом Сан-Хуан в штате Нью-Мексико.